

Хотел бы я, чтобы это был сон.

Ужас варпа навис на Цертус-минор. Мир-кладбище был объят безумием битвы, когда хвост кометы прошел сквозь орбиту планеты. Нескончаемый поток тварей Хаоса, словно дождь, хлынул на небольшой островок Империи.

Двадцать четыре часа мы сражались без устали, по колено в трупах врагов, сохраняя хладнокровие и чистоту наших душ в этой животной резне. Пятая рота сдерживала атаки противника и заслужила свою честь на поле боя. Двадцать часов небеса падали на нас, жадные до нашей человечности. Мы сражались как никогда прежде, доводя наши сверхчеловеческие тела до предела возможностей. Сердца гнали кровь по нашим телам. Повсюду потрескивала энергия. Глаза видели лишь врагов. Руки автоматически управляли нашими мечами и болтерами. Мы отбирали жизни без всякой стратегии. Техника и искусство битвы сошли на нет. На месте убитой твари появлялась другая, и мы рубили их, не задумываясь, для того, чтобы выжить. На двадцатом часу поток сократился. Массы рассеивались, упрощая нашу работу. Мы отбросили монстров к первому периметру и добились оставшихся. Здесь не было места тактике. Твари просто ломались напролом. И, наконец, убивать стало некого.

Хотя пятая рота и достигла великой победы над Хаосом, цена оказалась высокой. Братья Эбенезар, Тикариас, Молиат, Ашкелон и технодесантник Данкред отдали свои жизни, обороняя город и его жителей. Их тела лежали на земле согласно обычаям, со всеми ужасными ранами, которые они получили. Тикариас представлял собой кашу. Данкред – изрубленный каркас плоти Адептуса Астартеса, разорванной гидравлики, электросистем и бионики. Технодесантник сражался храбро, но он не смог справиться с многократно превосходящим его количеством демонов. Члены отделения Контритуса сделали все возможное, чтобы оттеснить противника, их навыки проверялись на улицах Святого Бартоломея-Восточного, заполненных массой демонов Хаоса. Скауты Сдирателей уменьшали эту стену тварей точными выстрелами из снайперских ружей, давая Скейсу и нескольким братьям из отделения Цикатрикс возможность перегруппироваться и оттеснить монстров. Несколько раз Громовой Ястреб «Импунитас» удачно заходил для бомбометания по отродиям варпа, при этом полностью уничтожая величественные постройки квартала. Пока мои Сдиратели следовали прославленным традициям Ордена и доказывали репутацию смертоносных воинов, смертные не могли справиться с волной кошмара, обрушившейся на них. Я требую слишком много от обычных людей. Если бы жители Империи не были так слабы, нужда в Адептусах Астартесов отпала бы сама собой, и лучшим тому доказательством было бегство цертусийцев. В истории есть немало эпизодов героизма обычных смертных: война за Армагеддон, Ефрасийская Резня и многочисленные крестовые походы, где закаленные в боях кадьяны снискали множество почестей. Человечество не утратило силы духа. И такие истории воспеваются и будут воспеваться в легендах и мифах. Но на каждого имперца, не дрогнувшего перед ксеносами и еретическими предателями Хаоса, приходится тысяча других, кто не выдержал и сбежал с поля боя. Из-за страха этих людей судьба Империи уже предрешена. Мужчины, женщины и дети, в чьих руках оружие становится бесполезным. Трусливое большинство, сбегающее в надежде, что остальные защитят их. Возможно, за это стоит винить Адептуса Астартеса. Мы ослабили Империю. Существование полубогов превратило обычных людей в пассивных наблюдателей. Находясь рядом с божествами, они чувствуют себя вне опасности. Ангелы Императора спасут их. Они наблюдают за борьбой добра и зла в галактике, упуская важную деталь – судьба Империи – в их собственных руках.

Но, несмотря ни на все, я не могу винить их. Я – нечто большее, чем человек, но, даже несмотря на свой опыт и наследие, я понимаю их. Страх – это простое и естественное чувство. Нерациональное и практически бессознательное желание убежать, убраться подальше от источника опасности. То, как люди иногда справляются с таким штурмом химии и эмоций – уже чудо само по себе. Многие сбежали, отказавшись сражаться. Пока Скейс и Йоахим осыпали трусов проклятиями, я обнаружил, что не могу винить этих цертусийцев. Моя жертва – это моя жертва и ничья более. Я делаю это во славу Императора, а не их. По правде говоря, мне плевать на их выживание. Мы не связаны братскими узами, хотя и пятая не может похвастаться этим. Выживут ли они, или нет – все это не важно в масштабах Империи. Их существование означает лишь одно для меня – недопустимость мысли о победе врага. Я подозреваю, что это безумие имеет под собой цель ослабить нас, чтобы нанести решающий удар. Злобность приближается. Губительные Силы жаждут захватить этот мир и его людей, отобрать их у меня. Я не допущу этого. Они проиграют. Я обеспечу им поражение.

Брат Нова и я двигаемся меж развалин Святого Бартоломея-Восточного. Кратер и горящие останки – все, что осталось от этого места. Высоко держа древко боевого знамени, Нова ступает по горящим обломкам. Он ищет любые признаки врага, водя болт-пистолетом из стороны в сторону и одновременно передавая сообщения по вокс-связи.

- Вторая плеть, Скариох, пропал без вести.

Я киваю. Нова продолжает.

- Вторая плеть Этам повторно запрашивает разрешение на поиски брата Ишмаила.

- Отказано, – рявкаю я. – Ишмаил потерян. Скажи Этому, что теперь он – плеть отделения Кастигир и пусть начинает вести себя соответственно.

- Брат Симеон – на крыше Мемориального Мавзолея. Он докладывает о сгоревших телах на плазе. Похоже, сестры открыли огонь по толпе.

- Сестры?

Я останавливаюсь и обдумываю действия палатины Сапфиры. Сложно представить, как стоическая сестра расстреливает цертусийцев ради забавы.

- Они утверждают, что были атакованы.

- Тварями варпа? – спрашиваю я, хотя само предположение – не логично, вряд ли монстры смогли зайти так далеко.

- Местными жителями, – отвечает Нова.

Безумие. Я качаю головой. Влияние Хаоса внутри и снаружи периметра. Слишком занятый обороной и попыткой вернуть убежавших цертусийцев, я не задумался о последствиях массового бегства.

Пока я сражался за свою жизнь и жизни остальных, сотни напуганных цертусийцев рванулись к духовной защите Мемориального Мавзолея. Сходя с ума от ужаса, милиция, разносчики боеприпасов и испуганные гвардейцы убегали от ужаса варпа, беспорядочный огонь не мог сдержать нашествие отродий Хаоса. Крики некоторых из местных превратились вой, а затем ими завладела ярость. Грань между яростью и страхом – слишком тонкая, и когда разум смертного слабеет, она перестает существовать. Объятые яростным безумием, местные жители врезались в кордон молящихся, и многие из них принесли с собой оружие.

Столкнувшись с безумными убийцами, готовыми убивать всех подряд – друзей, семьи, у палатины просто не было другого выбора кроме как приказать своим сестрам спалить их.

- Прикажи брату Симеону послать сервов для организации рабочих команд из цертусийцев, - приказываю я. – Мне нужно, чтобы они убрали тела, уж в этом они должны знать толк.

Пока мы бродим среди разрушенных келий, я объясняю знаменосцу, что нужно сбросить тела защитников и прорвавшихся демонов за периметр. Я приказываю использовать оставшийся прометий для сожжения тел павших и вскоре, в воздухе появляется запах горячей плоти, человеческой и нематериальной.

Приказы продолжают поступать. Командная структура и ощущение цели – то, что заставляет людей сражаться. Побывав на бессчетном количестве полей сражений, я знаю, что потеря веры, шок и чувство фатализма постепенно начинают завладевать разумами людей, и лишь руководство и труд помогают бойцам сопротивляться этому. Без тяжелой работы разум начинает поддаваться ужасу, и появляется чувство обреченности.

Я инструктирую лорда-лейтенанта Лазлонгию, чтобы она реорганизовала Похоронную Гвардию. Теперь я заинтересован лишь в людях, доказавших свою волю к битве. Мужчины с сильным разумом и духом, которые держат строй. Мужчины, которые понимают, с кем они сражаются, и желают убивать их. Я приказываю Лазлонгии собрать оружие и боеприпасы и распределить бойцов по внешнему периметру. Отбитые укрепления снова наши. Пока наши. «Импунитас» парил над опустошенной поверхностью планеты, и я чувствовал, как его тяжелые болтеры следят за мной и стягом роты. Я послал «Перчатку» к некроплексу, чтобы убедиться, что неподдающиеся идентификации ауспика твари не атакуют нас из тумана. Нас вряд ли ожидает вторая волна монстров, судя по их предыдущему поведению, но, на всякий случай, слабые участки необходимо было проверить.

- Что там с Злобोकостом? Ожидаемое время высадки? – позвал я знаменосца.

Проходя мимо одного из уцелевших строений, он активирует связь с единственным оставшимся на орбите кораблем. Все остальные суда отчалили вместе с «Ангелика Мортис», и в распоряжении Сдирателей остался лишь один корабль Адептус Министорум, «Апотеон».

- «Апотеон» подтверждает, что флагман армады прошел цепь астероидов и входит в ядро системы.

- Сколько времени им понадобится?

- Если суда не изменят скорость, они будут на Цертус-Минор через восемь стандартных часов, - отвечает Нова.

Я представил единственную оборонительная станцию с двигателями небольшой мощности, усиленными щитами, орудийными батареями и мощными счетверенными пулеметами, усеявшими бронированный киль судна.

- Передай мои наилучшие пожелания и благодарности командору и клерику, - искренне говорю я.

У «Апотеона» самый лучший обзор. Они знают, что их ждет. Решение сражаться против огромной армады с минимальным шансом выжить – поистине достойно уважения Астартес.

- Скажи им, чтобы игнорировали корабли культистов и штурмовики. Пусть сосредоточатся на крейсерах, фрегатах и других кораблях предательских Астартес.

Я хочу пожелать капитану удачи, но слова не сходят с моих уст. «Апотеон» превратится в обломки, и капитан, скорее всего, погибнет. Он знает это, и оптимизм будет крайне неуместен в данной ситуации.

Нова замечает дергающуюся в конвульсиях тварь и направляется к ней, чтобы добить. Я похожу к дымящемуся строению – единственное здание, не превратившееся в руины после бомбардировки. На внешней стене – трещины, но символы и каменное обрамление над стальными дверьми позволяют идентифицировать его как штаб-квартира силовиков.

Толкнув дверь стальным ботинком, я осторожно вхожу внутрь. Внутренняя часть здания не тронута. Она защищена толстыми стенами. Идеальное укрытие для тварей. Оружейная пуста, и бриз, пронесшийся из открытых дверей, заставил шелестеть рукописи, лежавшие на столах скриптории. Бумаги упали на пол, и тут же стали впитывать кровь, недавно пролитую здесь. Неподалеку валялись трупы нескольких силовиков, один – без головы, другие – с дырами в жилетах и груди. Проходя мимо комнаты пыток, вериспекса и камер, я замечаю дверь в подземелье. Опустошенные боевые дробовики лежат брошенные на ступенях. Камеры здесь пусты, кроме одной.

На скамье, за толстыми адамантовыми прутьями, сидит Проток Краски. Броня силовика покорежена, голова завалена набок, рот открыт. Табачный сок стекает по краю его рта вниз на бороду, а оттуда – на пол. Я слышу треск под ногами, опускаюсь и поднимаю ключ, выкинутый Краски, после того, как он закрыл себя в клетке.

- Проктор, - зову я, мой голос звучит неуверенно.

Схватив перчаткой замок, я срываю его и захожу внутрь. Я поднимаю голову Краски.

- Проктор, - снова зову я.

Его глазные яблоки закатились, но я чувствую, как его тело начинает содрогаться. И вскоре я понимаю почему.

Через раскрытый рот я вижу нечто жуткое по своей природе. Несколько паучьих лап появляются между зубами силовика. Арахноид вырывается наружу и по моей руке устремляется к грудной пластине моей брони. Тварь пряталась в черепе Краски, выбросив внутренности наружу.

От неожиданности я отшатываюсь назад, мой ранец ударяется о решетку. Я опрокидываю тварь на пол, но она снова кидается на меня. Выхватив болт-пистолет, я произвожу несколько выстрелов. Отродье варпа уворачивается, ловко передвигаясь по полу. Держа свой Марк II обеими руками, я впечатываю наплечники в стену. Каждый раз я поворачиваюсь боком, ожидая, что тварь прыгнет мне на лицо. По звукам выстрелов снаружи я понял, что монстр ускользнул из камеры.

Выбежав из камеры, я вижу брата Нова, машущего мне рукой. Знаменосец начинает двигаться, перепрыгивая через обломки. Я догоняю его.

- Здесь, - шипит Нова, направив дуло болтера в проход в стене. Двигаясь вперед, я вожу дулом пистолета по сторонам. Наклонив древко знамени, Нова следует за мной в темноту тюремной часовни. Внутри темно, на месте свечей – лишь тени. Стеклопанельное окно пропускает лишь тусклые лучи света. В центре – лестница, ведущая в склеп. Вокруг – постаменты с гробами, выточенными из камня с изображениями имперских святых. Один из них приоткрыт.

Направив пистолет на крышку гроба, я и Нова тихо крадемся по полу часовни. В гробу послышался скрежет, и мы замираем. Нова направил дуло болтера на гроб, и я пальцами считаю до трех.

Раздается крик, который никто из нас не ожидал, и мой палец замирает на спусковом крючке. Внутри – девочка, живая и напуганная. Лицо покрыто сажей. Я поднимаю перчатку вверх, чтобы показать ей, что мы не представляем для нее угрозу и давая Нове приказ опустить оружие. Помещение пронзает ошеломляющий визг.

Следуя за взглядом ребенка, я вижу, как паукообразный монстр бежит по древку знамени. Нова мгновенно реагирует на угрозу. Он ударяет древко о пол, отбрасывая тварь во тьму склепа.

- Вниз! – ору я на трясущегося ребенка, заставляя ее снова спрятаться в гробу.

Целя пистолетом в ступени, я перевожу оружие на автоматический режим огня и освещаю пространство сверкающими выстрелами. Монстр прыгает сзади и вынуждает меня бросить оружие. Выставив руки перед собой, я не даю твари добраться до моего лица.

- Нова!

- Давай! – кричит знаменосец.

Схватив монстра за лапу, я впечатываю его прямо в стену часовни, затем разворачиваюсь и обрушиваю его тело на каменную статую. Выведенный из равновесия, но все еще желающий добраться до моего лица, жук извивается в моей хватке. Я бросаю его вверх, и брат Нова, стрельбой из болтера, разрывает его тело на части. Существо исчезает в фонтане собственной крови, оставляя на полу мерцающие капли.

- Вы в порядке, сэр? – окликает меня Нова.

Я киваю в ответ и подхожу к вжавшемуся в гранит ребенку. Она смотрит на меня напуганными глазами. Аккуратно достав ее из укрытия, я передаю ее Нове. Знаменосец держит ее на изгибе локтя, прямо под знаменем. Открывая деревянную дверь склепа дулом своего пистолета, я слышу, как он зовет кого-то с дальнего края разбомбленного квартала.

Я убираю пистолет в кобуру и обнаруживаю, что смотрю на открытый гроб, чья плита превратилась в осколки. Я представляю девочку, прячущуюся там и момент, когда мы обнаруживаем ее. Заглянув внутрь, я обнаруживаю предмет на дне саркофага. Я поднимаю его. Это – кристаллическая пластина, карта из Таро Императора. Я всматриваюсь в темноту в поисках своего призрачного спутника, но его нигде нет.

Я верчу карту в руках. На карте изображено затмение, луна застилает все, кроме коронального кольца далекого солнца. Под изображением – надпись «Умбра».

Я чувствую оживание в моем желудке – чувство, которое я испытываю в пылу битвы, за секунды до того, как вывожу противника из равновесия неожиданным взмахом клинка или осуществляю рискованный, непредсказуемый маневр. Чувство, спасавшее меня много раз и не меньше раз помогавшее мне забирать жизни моих противников. На мгновение я застыл, смакуя пришедшую мне в голову идею, и улыбка промелькнула на моих губах.

Я все еще улыбаюсь, изучая пластину, затем протягиваю ее Нове. У них есть сообщения для меня.

- Труп-капитан, - произносит он, все еще держа на руках ребенка. – Плеть отделения Йоахим запрашивает ваше присутствие. Также он хочет, чтобы эпистолярый Мелмох встретил его в

сквере Сепулкр. Он говорит, это важно.

- Хорошо, - отвечаю я.

Затем добавляю.

- Передай брату Симеону следующее: Скажи ему, что я направляюсь в Мемориальный Мавзолей и мне нужен понтифик. Скажи ему... - я колеблюсь. – Скажи ему, что это важно.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/667806>